

КИНО парк

№ 10 (41)

(стр. 18-19)

ВОСТОК

ЕСТЬ

ВОСТОК

(стр. 24-25)

БЬОРК: ДОТАНЦЕВАЛАСЬ...

+ АФИША КИНОТЕАТРОВ

+ КУПОНЫ НА СКИДКУ ДО 50% (С. 65)

ОКТАБРЬ 2000

ЖУРНАЛ ДЛЯ ВСЕХ, КТО ЛЮБИТ КИНО

УМЕРЛА ОНА СРЕДИ НАРОДА

«Танцующая в темноте» (Dancer in the Dark), Дания

Датчанин Ларс фон Триер, один из самых непредсказуемых режиссеров нашего времени, создатель нашумевшей акции «Догма-95», в очередной раз сделал радикальный жест — снял мюзикл «Танцующая в темноте» с певицей Бьорк в главной роли. Фильм называют одним из самых шокирующих событий года. Критики разделились на два лагеря: одни считают картину отвратительной и твердят о возрождении большого гламурного голливудского стиля на новый лад, другие талдычат о шедевре и обещают «Танцующей...» вечность, мол, через многие годы ее будут регулярно пересматривать в музеях кино и синематеках. Лента действует магически: кто-то, чертыхаясь, выбегает из зала, а кто-то, не в силах оторвать глаз от экрана, на протяжении всего фильма заливается горячими слезами.

«И повесили фашисты Зою поутру, как только рассвело», — продекларировал критик Максим Андреев, в то время как я утирала носовым платком слезы и сопли после просмотра «Танцующей в темноте». Надо сказать, что стихок иллюстрировал заключительную сцену фильма с циничной, но почти документальной достоверностью. Я злобно спросила: «Ну и что дальше?»

— Дальше так: «Умерла она среди народа, но героем вечно будет жить. Поклоняемся, дорогая Зоя, за тебя фашистам отомстить», — твердо ответил Максим.

И добавил: «Это песня такая, про партизанку Зою, мое самое сильное эстетическое переживание детства.

Я ее пел в детском садике каждый день почти полгода».

В песне было много куплетов, и Максимики, уже знавший, чем все закончится, тем не менее крепился до последней минуты. Но на словах «И повесили фашисты Зою...» мужество все же его покидало, началась истерика, и воспитательница уносила содрогавшегося в рыданиях мальчика в спальню.

Стоявшие рядом друзья-журналисты стали дико хохотать, представляя заревавшего Макса Андреева, уткнувшегося в мокрую от слез подушку. «Жуткая история», — прокомментировала я. «Не более жуткая, чем у Ларса фон Триера», — ответили мне. И тут все накинудились на «Танцующую...». Вот где психопатология и гран-гиньоль, порнография смерти и грубый шантаж

зрителя. Нечестная игра и бесстыдный сюжет. Я хотела защитить Триера. Мол, бесстыдные сюжеты использовать не грех. Вот, например, андерсеновская «Девочка со спичками» или чаплинские «Огни большого города» — те еще слезовыжималки. Главное ведь не душераздирающий сюжет, а талант и что автор хотел сказать. Впрочем, Триер в моей защите не нуждался, он и так получил «Золотую пальмовую ветвь» за «Танцующую...» в Канне.

Сюжет Триер подглядел в старом мультике, снятом в 1930-м на Warner Brothers. Печальная история о слепой девочке, которой полицейский дарит куклу. А еще Триера с детства завораживали голливудские мюзиклы с Джинном Келли: «Мои коммунистические родители считали это американским мусором, а я до сих пор восхищаюсь «Пением под дождем». Но в мюзикле не бывает ужасов, настоящая драма обычно происходит в опере, и Триеру как радикальному и ищущему страданий художнику очень захотелось сделать мюзикл/драму.

Бьорк в неказистом платьице и нелепых очках с толстыми линзами — бедная, маленькая Сельма, такая незадачливая. Чешская эмигрантка, мать-одиночка, она вкалывает на жестяной фабрике в американском захолустье. Но Сельма не из тех, кто верит в счастливое будущее, она счастлива сейчас, каждое мгновение. Несмотря на грязную, тяжелую работу, несмотря на то, что слепота грозит не только ей, но и сыну, эта дурочка любит американские мюзиклы. Но глав-

ное — она слышит музыку. Везде. В шуме работающих станков, в грохоте то-варняка. Бьорк сама написала эту музыку. И зрители плакали, сотрясаясь всем телом то в такт, то в контрапункт, и загоняли рыдания внутрь, чтобы ни в коем случае не оторваться от этой музыки о пустой постели, о башмаках, хлюпающих по лужам, о страхе. «Не плачьте, — наклонилась я к девушке, сидящей в соседнем кресле. — Всего этого нет, это неправда, это только тени». — «Это так грустно и поэтому прекрасно», — шмыгая носом, отвечала она.

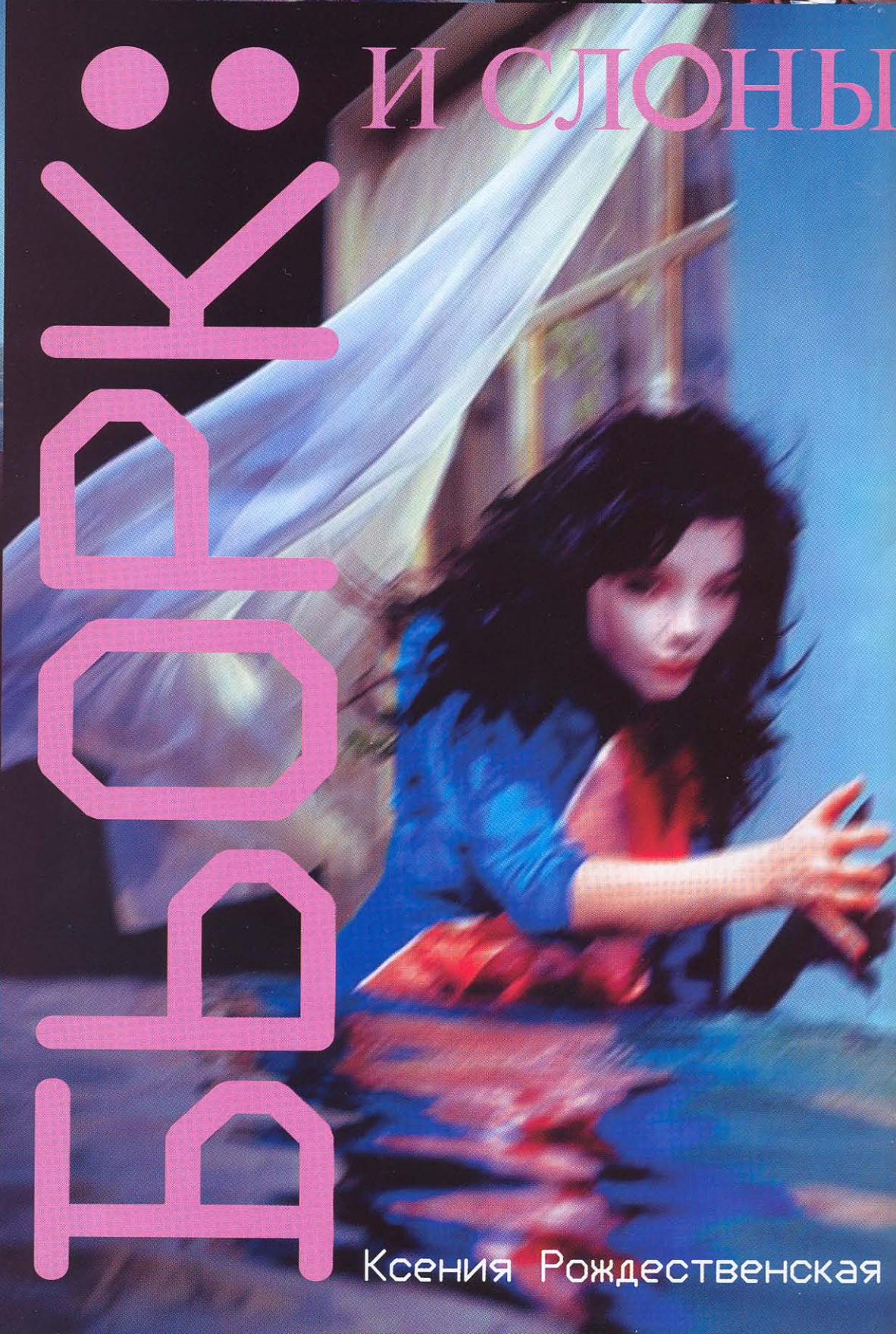
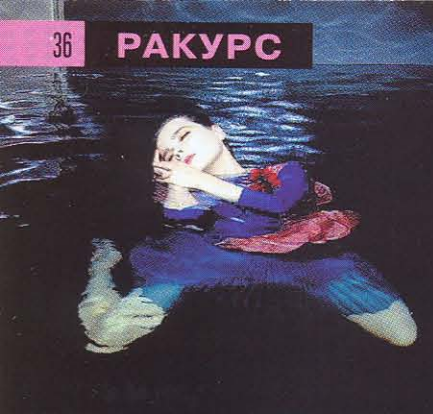
Бьорк получила приз за лучшую женскую роль в Канне. Несмотря на божественную музыку, которую сочинила, на съемках она вела себя как ведьма. Все время ругалась с Триером, а как-то отвратила в ключах очередное нелепое платьице, в которое ее хотели обрядить, и исчезла. Съемки прервали, Триер выплачивал неустойку и матерился. Через четыре дня Бьорк объявилась и всех успокоила: «В мюзикле никогда ничего плохого не случается». А Катрин Денев умилилась: «Она такая милая, словно ребенок, сбежавший с уроков».

Между прочим, Катрин сама напросилась к Триеру в фильм. И Триер был счастлив: Денев — символ Франции, мишель-леграновское та-да-да-та-да, деликатное напоминание о культовых «Шербурских зонтиках» в каждом кадре. Вот уж кто защищал Бьорк как мать родная, и не только на съемочной площадке, но и в фильме. Но даже все-ильная Катрин не смогла уберечь непутевую Сельму от рокового драматического конца. Та-да-да-та-да-да — приговор уже вынесен и обжалованию не подлежит, и грядет голубой эшафот, грядет кара, грядет обманный порядок американского правосудия. Сто слож-но установленных камер с циничной, но почти документальной достоверностью зафиксировали, как вешали маленькую нескладуху, показывающую нам другую реальность, подобно тому как нарисованные святые указывают нам пальцем на небо.

До сих пор как вспомню, так плачу. И повесили фашисты Зою поутру, как только рассвело. Порнография смерти, гран-гиньоль, психопатология. Тьфу! Реву как дура, и все.

Наталья Королева

И СЛОНЫ

Ж
О
Д
Д

Ксения Рождественская

Слонам, между прочим, иногда тоже хочется расслабиться.
И тогда они складывают где-нибудь под деревом
яблоки или там бананы и дожидаются, пока те слегка подгниют.

А потом жадно их пожирают и страшно от этого пьянеют.

БЫВАЮТ НЕТРЕЗВЫ

Певица Бьорк считает, что нет ничего смешнее пьяного слона. Она однажды видела фотографию, на которой окосевший слон хитро смотрел куда-то вдаль, на розовый закат. Бьорк смеялась так, что не могла остановиться. А потом решила, что смешнее пьяных слонов могут быть разве что журналисты. Они любят задавать вопросы, ответы на которые им известны, и постоянно требуют рассказать о детстве, юности и творческих планах.

Какая скука — рассказывать им о детстве и юности. Что можно рассказать? Не признаваться же, что ее любимой книгой всегда была «История глаза» Батая, а больше всего на свете Бьорк любила бежать по улице с закрытыми глазами? Ей нравилось воспринимать мир только на слух, ничего не видя. Ей нравилось петь.

Ларс фон Триер как раз думал, не сделать ли ему мюзикл, когда увидел клип Бьорк *It's oh so quiet*. Девочка в клипе очень хорошо пела. Триер совершенно не разбирался во всех этих поп-исполнителях, предпочитая классическую музыку, но Бьорк ему понравилась. «Я совершенно не понимал, какая музыка должна быть в моем новом фильме. И вот тут появилась Бьорк. Она разбирается в музыке, а фильм — о женщине, которая любит те же мюзиклы, которые я когда-то любил. Все сошлось».

Но когда они познакомились — Бьорк позже опишет эту встречу как знакомство «Наполеона» с «Пеппи Длинныйчулок», — Триер понял, что нашел не только композитора. Эта девочка должна сыграть главную роль в «Танцующей в темноте».

Сельма, которая слышит музыку в фабричном шуме, Сельма, которая больше всего на свете любит своего сына, — это Бьорк.

Исландский эльф — совсем подросток с виду. А ее сын тем временем уже пишет научно-фантастические рассказы, а она учит его не ругаться матом: «Ну вот будешь ты через слово говорить «фак» и как поступишь, когда «факи» кончатся и больше у тебя не будет аргументов?»

Уговорить Бьорк было непросто. Но Ларс привел аргумент, на который Бьорк повелась: «Ты пойми, единственный способ правильно сыграть твою музыку — это исполнить главную роль в фильме. Ведь роль — это просто продолжение твоих песен. Неужели кто-то может сделать это лучше, чем ты?»

«Да, режиссер вполне приятный, — подумала Бьорк. — Вон у него на сто-

ле лежит диск «Роксетт»...» Диск «Роксетт» Триер положил на видное место прямо перед приходом Бьорк: пусть певичка думает, что датские режиссеры тоже разбираются в поп-музыке. И Бьорк согласилась: «Я все отложила — мои проекты, друзей, семью — все, что я люблю, и занималась только фильмом. Хотя, честно говоря, я никогда не думала о себе как об актрисе и до сих пор не думаю. Я просто полюбила Сельму. Я стала ею».

А за день до начала съемок Триер вспомнил, что не сделал проб Бьорк.

Не понадобилось. У нее и так все получилось.

Трагическая история о слепнущей женщине, которая готова все отдать

ради своего сына, заставила рыдать даже самых циничных журналистов. Теперь Бьорк покорила весь мир.

«Ларс видит во мне что-то, что есть в Сельме. И, знаете, я все никак не решусь спросить, что именно. Я, как и Сельма, чувствую себя гораздо уютнее внутри песни, чем в жизни. Хотя Сельма наивнее, чем я, она думает, что жизнь может быть одним сплошным мюзиклом. Я так уже давно не думаю», — признается Бьорк.

В Канн, на церемонию вручения «Золотой пальмовой ветви» за лучшую женскую роль, Бьорк явилась в кукольном ярко-розовом платье, как во времена «Плохого Вкуса Ltd.». Журналисты умилялись и говорили, что она очаровательна.

После «Танцующей в темноте» они всегда умиляются при виде Бьорк. Они ее боятся, ведь она заставила их плакать.

Бьорк только улыбается в ответ: «Бутылка водки в день... нет, ну, конечно, не каждый день. Я привыкла, в Исландии очень суровый климат». И отвечает на все, все, все вопросы, ответы на которые им известны: о детстве, юности и творческих планах.

«Здесь так мало народу, что если ты однажды перейдешь главную улицу голый, то тебя запомнят навсегда».

Город Рейкьявик, в котором тридцать пять лет назад родилась Бьорк, дочь Гудмундура и Хильдур, был, в общем, маленьким. Главная улица и одна площадь. «Здесь так мало народу, — говорила сама себе Бьорк, — что если ты однажды перейдешь главную улицу голый, тебя запомнят навсегда».

Не понадобилось. Ее и без того запомнили.

Когда Бьорк исполнился год, ее родители развелись. Отец хипповал, мать →

→ хипповала, многочисленные друзья семьи, жившие здесь же, в их доме, тоже беспробудно хипповали, поэтому Бьорк в конце концов стала панком. Мать Бьорк (она хвасталась, что у нее самые длинные волосы в Исландии) была абсолютно не приспособленной к жизни, поэтому трехлетней Бьорк приходилось всячески ее опекать. Она даже переводила маму через дорогу, приговаривая: «Посмотри сначала налево, потом направо, вот так, умница».

Жизнь в хипповской семье хороша тем, что можно делать все что угодно. Однажды Бьорк не хотелось вылезать из постели, и она вырезала дырку в одеяле, просунула туда голову и так и пошла в школу — в одеяле. В другой раз она решила проверить, умеют ли кошки летать, и выкинула кошку из окна. Выяснилось, что исландские кошки летать не умеют.

А в одиннадцать лет девочке захотелось выпустить сольный альбом — и она его выпустила. Ее учительница случайно передала пленку с записью голоса Бьорк на исландское радио, и девочка стала знаменитостью. «Ну, это была такая музыка... наполовину жвачка, наполовину безумие». На деньги, полученные от продажи альбома, Бьорк купила пианино.

«История Золушки», — умиляются журналисты. Да, и эта Золушка прекрасно знала, чего хочет, поэтому в тринадцать лет создала постпанк-группу, в пятнадцать окончила музыкальную школу (единственная ученица, выдержавшая все десять лет учебы), и вот тут детство ее благополучно закончилось.

«В Исландии, если хочешь с кем-нибудь потрахаться, надеваешь лыжный костюм, выпиваешь бутылку водки, чтобы не замерзнуть, и прямо так, на улице, трахаешься. Между домами».

Юность? А что, собственно, юность? Зимой в Исландии минус один градус по Цельсию. Летом — плюс пятнадцать. И ветер. Карликовые деревья, горячие исландские парни. «Подросткам в Исландии в мое время было совершенно некуда пойти. И, в общем, нечем заняться. Если хочешь с кем-нибудь потрахаться, надеваешь лыжный костюм, выпиваешь бутылку водки, чтобы не замерзнуть, и прямо так, на улице, трахаешься. Между домами».

В остальное время Бьорк работала. В Исландии даже хиппи и панки — работорголки. Она покрасила волосы в розовый цвет и пошла на завод «Кока-

Колы» работать на контроле. Следила за чистотой бутылок. Но чаще всего сидела с закрытыми глазами и слушала, как заводской шум становится музыкой.

А потом начала играть в группе KUKL. Экзистенциальный хардкор-панк-джаз — так определяла стиль группы сама Бьорк. И плакала, когда группа распалась, «несколько дней подряд рыдала... ни об одном мужике никогда так не плакала».

В Тора Элдона Бьорк влюбилась с первого взгляда, с первой бутылки водки. А в девятнадцать лет она родила ребенка, потом вышла замуж, а потом создала организацию «Плохой Вкус Ltd.».

сказывал про двух сестричек-волшебниц. Бьорк играла младшую ведьмочку, а в перерывах кормила Синдрию грудью. «Ничего не помню, — говорила она потом об этом фильме. — Ничего не помню, все как в тумане. Помню только, что его надо было кормить».

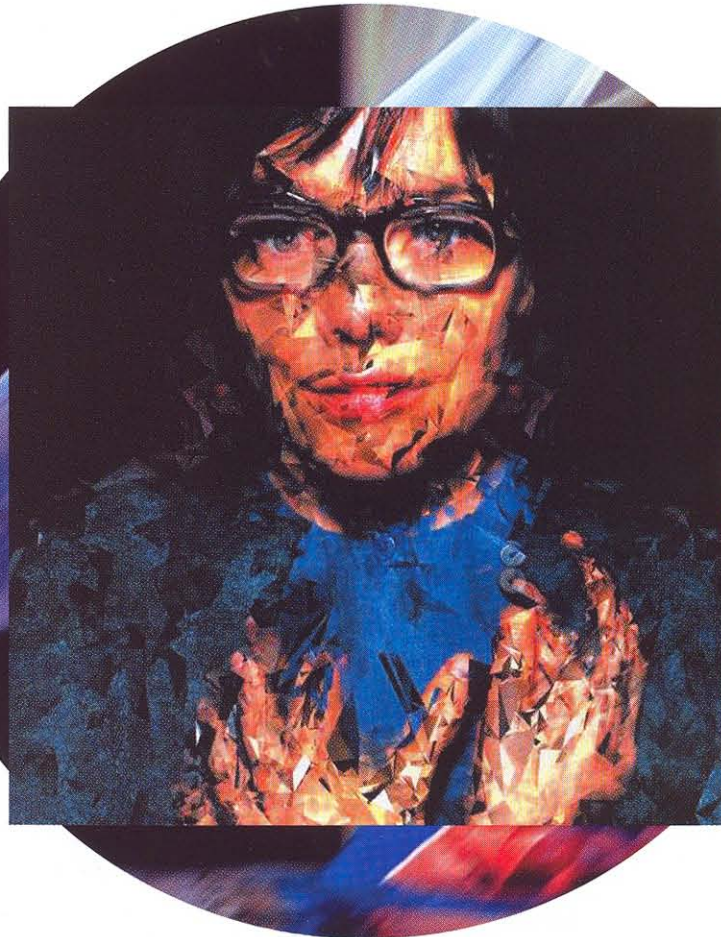
На этом взаимоотношения с кино не завершились. Конечно, ничего интересного в этом кино все равно нету, сплошные кормления грудью, указания вроде «Встань вон туда и скажи вот это», а в результате получается никому не известный фильм, в котором ты и на себя-то не похожа. Да и имя Бьорк Гудмундсдоттир никто не успеет прочи-

альбомов. И получает всевозможные музыкальные награды. И играет небольшую роль в фильме Олтмена «Готовое платье». «История Золушки», — умиляются журналисты.

Золушка ухмыляется в ответ: «То ли еще будет».

«Для меня существует только блицкриг: я всегда нажираюсь как свинья или уж вообще не пью».

Она с легкостью может ответить на любой каверзный вопрос. Да, она встречается только с музыкантами, у нее был роман с Трики, теперь вот с Томом Йорком из «Рэдиохэд». А как бы вы хотели, я же не электрик, была бы электриком, встречалась бы с электриками... и вообще, знаете, написать с мужиком песню — это гораздо эротичнее, чем переспать с ним. Да, несколько лет назад она избрала журналистку, которая задала ее сыну какой-то глупый вопрос. Да, ей прислали бомбу в посылке, она ее не вскрыла, а отправитель покончил с собой. Нет, она не читает почту от своих фанатов: вы с ума сошли, я забываю бабушку с днем рождения поздравить, а вы хотите, чтобы я отвечала на письма незнакомых людей? Да, она ненавидит целоваться и давать интервью по-исландски. По-английски — сколько угодно. А по-исландски мой рассказ о себе звучит фальшиво: кажется, будто Мисс Всезнайка решила научиться мир, как надо жить. Нет, она больше не будет сниматься в кино. Нет, никогда. Сельма — это не только ее первая роль, но и последняя. Сейчас я собираюсь заниматься только музыкой. А еще модой. Мода для меня — жизнь, философия. Любимые моделиеры — Хуссейн Шалайан и Александр Маккуин. И вообще, у меня есть еще пятьдесят лет, это не так уж мало. Моя родня отличается долголетием, мы начинаем расцветать годам к тридцати-сорока, а заканчиваем к семидесяти-восьмидесяти. Со мной будет так же... надо еще многое успеть. Да, больше всего на свете она любит своего сына, музыку, очень острую еду и очень сладкие пирожные. И вообще — очень. Со мной всегда так: я очень-очень счастлива, или очень-очень несчастна, или очень, очень еще что-нибудь — всегда очень-очень. Ненавижу неопределенность. Я или абсолютно пьяна, или совершенно трезвая. Я не могу вяло попивать две бутылки красного в течение девяти часов и получать от этого удовольствие. Нет, для меня существует только блицкриг: я всегда нажираюсь как свинья или уж вообще не пью. Нет, про кино больше не спрашивайте. Нет. Давайте лучше поговорим о слонах. Вот, вы знаете, иногда слонам хочется расслабиться...

Кажется, Пикассо утверждал, что хороший вкус является главным врагом творческой мысли. Поэтому члены «Плохого Вкуса...» ходили в ярко-розовой одежде, пропагандировали полную безответственность и катались в автомобиле с откидным верхом. И их все ненавидели. «Волшебное было время», — вздыхает Бьорк. А по воскресеньям они напивались и сочиняли песни. Так появилась группа Sugarcubes.

«Ничего интересного в этом кино все равно нету, сплошные кормления грудью».

Когда Синдрия, сыну Бьорк, было два месяца, певичку пригласили сыграть в кино. Черно-белый фильм «Можжевельник» по сказке братьев Гримм рас-

тат в титрах, а и прочитает — так не запомнит. Хотя Гудмундсдоттир означает всего лишь дочь Гудмундур: в Исландии нет фамилий, только имена и отчества.

Ну и не надо. Обойдемся без фамилий. Но имя Бьорк они запомнят.

И Бьорк сыграла главную роль в еще менее удачном фильме «Разбитое стекло». Этот телефильм вообще никто не заметил. И слава богу.

Sugarcubes быстро стали известными. А потом распались, и Бьорк опять рыдала несколько ночей подряд. Потом ночи закончились и наступило утро. И Бьорк поехала в Лондон делать сольную карьеру.

Дальнейшая ее история известна всем. В Лондоне Бьорк выпускает *Debut*, свой второй дебютный альбом. И немедленно становится безумно популярной. И выпускает еще несколько